

Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
НОВОСІБІР МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІНІҢ ГУМАНИТАРЛЫҚ ИНСТИТУТЫ
ТАРИХ ФАКУЛЬТЕТІ
ҚАЗАҚСТАН ТАРИХШЫЛАРЫНЫҢ ҰЛТТЫҚ КОНГРЕСІ

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИКОВ КАЗАХСТАНА

«ЕУАЗИЯ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ
ТАРИХИ-МӘДЕНИ МҰРАЛАРЫН
ЗЕРТТЕУДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ»

XV халықаралық Еуразиялық ғылыми форумның
МАТЕРИАЛДАРЫ

МАТЕРИАЛЫ
XV международного Евразийского научного форума
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ»

Астана, 2018

**Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
НОВОСІБІР МЕМЛЕКТТІК УНИВЕРСИТЕТІНІҢ ГУМАНИТАРЛЫҚ ИНСТИТУТЫ
ТАРИХ ФАКУЛЬТЕТІ
ҚАЗАҚСТАН ТАРИХШЫЛАРЫНЫҢ ҰЛТТЫҚ КОНГРЕСІ**

**ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИКОВ КАЗАХСТАНА**

**«ЕУАЗИЯ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ТАРИХИ-МӘДЕНИ МҰРАЛАРЫН
ЗЕРТТЕУДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ»
XV халықаралық Еуразиялық ғылыми форумның
МАТЕРИАЛДАРЫ**

**МАТЕРИАЛЫ
XV международного Евразийского научного форума
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ ЕВРАЗИИ»**

АСТАНА, 2018

**«Тарихи-мәдени мұраларды сақтау саласындағы ықпалдастық.
Ресей Ғылым Академиясының «Халықтар мен мәдениеттер» сериясының «Қазақтар»
томын дайындаудағы ресейлік және қазақстандық ғалымдардың ынтымақтастығы»
ДӨНГЕЛЕК ҮСТЕЛ БАЯНДАМАЛААРЫ**

ДОКЛАДЫ КРУГЛОГО СТОЛА

«Интеграция в сфере сохранения историко-культурного наследия. Российско-казахстанское сотрудничество в подготовке тома «Казахи» серии РАН «Народы и культуры»

Нурсан Алимбай

к.и.н., профессор, директор Центрального Государственного музея РК

СЕМИПОКОЛЕННАЯ ЭКЗОГАМНАЯ СТРУКТУРА «ЖЕТИАТА» КАК ОБЩИНА-СОЦИУМ (К ПРОБЛЕМЕ О СОВПАДЕНИИ РОДА И ОБЩИНЫ У КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ)

В обозначенной в заглавии настоящего сообщения проблемой занимались несколько поколений ученых, в основном, советского периода [1;2;3;4;5;6;7]. В опубликованных в постсоветское время многочисленных научных работах, в основном востоковедческого плана, данная проблема затрагивается лишь мимоходом [7]. С учетом сложившейся такой историографической ситуации, можно сказать, что эта проблематика в своем развитии, к сожалению, несколько застопорилась. Однако, по моему глубокому убеждению, эта тема вовсе не утратила свою научно-познавательную актуальность. Во всяком случае, многочисленные источники самого различного происхождения, относящиеся, в первую очередь, к дореволюционному периоду истории и этнографии Казахстана, прекрасно демонстрируют огромный эвристический потенциал избранного нами ракурса видения проблемы. Речь идет о необходимости изучения механизма реализации социальных отношений у казахов-кочевников с точки зрения совпадения рода и общины.

Отметим, что в историографии социальная и институциональная природа общины, в нашем случае кочевой, трактуется с позиции так называемого экономического детерминизма. Соответственно, кочевники объединяются, по убеждению исследователей, только лишь на базе общности своих хозяйственно-экономических интересов. Впрочем, эта точка зрения не нова – восходит к дореволюционной российской историографической традиции.

В исследовательском арсенале дореволюционных русских ученых, статистов и чиновников различных местных колониальных административных структур и военных ведомств даже прочно укоренился термин «аульная община». Понятие «аульная община» в качестве «рабочего инструмента» особенно широко и активно использовалась участниками

практически всех экспедиций по «обследованию степных областей» и других регионов казахского края, организованных российской властью, начиная со второй половины 90-х гг. XIX века. Этой научной традиции, в сущности, придерживаются не только советские, но и современные исследователи. Последние кочевую общину также рассматривают лишь как экономическую категорию [8;9;10;11]. Причем даже в трудах крупного представителя современного казахстанского кочевниковедения Н.Масанова структурно-функциональная природа данной общности трактуется весьма усеченно – как «кооперация трудящихся индивидов по поводу всего производственного процесса» [11].

Не вдаваясь в подробности этого во многом запутанного вопроса, который вполне заслуживает быть предметом очень серьезного исследования и во избежание возможных упреков и недоразумений, сразу оговоримся, что для автора настоящего сообщения община – это, прежде всего, социум с его автономным режимом функционирования. В этом смысле общиной в традиционной социальной среде, в данном случае, кочевой, на мой взгляд, следует назвать только ту структуру, которая обладала бы способностью к самовоспроизводству и саморегуляции.

Автор настоящих строк в ряде своих публикаций, посвященных различным аспектам истории и этнографии кочевничества в Казахстане, сформулировал положение о кочевом обществе как общинном типе социальности [12, С. 10-61; 13, С. 185-193; 14, С. 137-160; 15, С. 208-221; 16, С. 99-110; 17, 28-35]. Такой вывод непосредственно проистекает из объективной логики общественных отношений в кочевой среде. И это делает их отправной точкой размышления о природе кочевого общества казахов, на мой взгляд, имеющей «всеобщую силу определения» для всех этнически характерных, географически (экологически) и исторически обусловленных форм кочевничества в Евразии.

Наша бурно развивающаяся, особенно в последнее время, историографическая практика показывает, что любая позитивистски ориентированная (традиционная) трактовка понятия «общественные отношения» даже в современных научных терминах, говоря словами А.Кребера, «...ровно ничего не прибавляет к тому, что нам уже известно, а просто служит пикантной приправой» [18, С. 325; 19, С. 319]. Поэтому смысл предпринимаемой экспликации заключается в адекватном применении понятия «общественные отношения» в качестве (генерализированного и генерализирующего) исследовательского инструмента изучения механизма реализации отношений различных категорий номадов по поводу воспроизводства жизнеобеспечивающих условий, средств и самой жизни. Разумеется, в их соответствующей (институциональной) организационной форме. В интересующем нас аспекте принципиально важно отметить, что понятие «организационная форма» означает присущую тому или иному социуму, в данном случае, кочевому, исторически, социально-экономически, социокультурно, и даже, экологически обусловленную определенную структурную комбинацию (организацию) системообразующих компонентов общественных отношений. Такое определение формирует методологически верное отношение к объекту изучения.

Несколько слов относительно содержания понятия «общественные отношения», принципиально важных для целей настоящего сообщения. Основными составляющими (структурными элементами) общественных отношений являются не только люди, как субъекты социальной деятельности, но и объекты, предметы, средства и разноуровневые «каналы» ее реализации, рассматриваемые в их естественно-исторически обусловленных многоуровневых и разнонаправленных взаимозависимых связях. При этом в структуре общественных отношений основной системо- и смыслообразующей «связкой» выступают человеческие связи, которым, собственно и структурируются, «организуются» и регулируются абсолютно все формы и уровни этих отношений.

В свою очередь общественные отношения в определенном смысле выступают как структура, одновременно и как «технология» (термин Э.С. Маркарьяна) социальной деятельности [20]. Последнюю же можно рассматривать в качестве функционального состояния общественных отношений.

В этом утверждении никакого противоречия нет, хотя, на первый взгляд кажется, что между его первой и второй частями (предложениями), где основными смыслообразующими понятиями выступают соответственно «социальная деятельность» и «общественные отношения», необходимая в таких случаях определенная причинно-следственная связь отсутствует. На самом деле такая связь существует. И предложенная формулировка как раз базируется на взаимообусловленных и взаимозависимых связях между отмеченными «блоками» социума – общественными (социальными) отношениями и социальной деятельностью. Дело в том, что, как известно, именно в процессе своей предметной деятельности люди вступают в соответствующую форму социальных связей, т.е. определенную общественную форму этой самой деятельности. Иными словами, эти связи формируются и регулируются институционально и «технологически» целеполагающей человеческой деятельностью. В то же время фундаментальные принципы и нормы разнохарактерных общественных связей образуют своего рода «технологии», т.е. принципы, нормы и социальные каналы деятельности людей, включенных в различные уровни общественных отношений.

Как известно, человеческие отношения на различных этапах истории и в различной этнокультурной среде имели исторически и экологически обусловленную (особенно в традиционной историко-культурной среде), этнически окрашенную организационную форму своего функционирования. В древности и в раннем средневековье, например, основной организационной формой общественных отношений у большинства народов мира была община. В аналогичной организационной форме функционировали и традиционные социальные отношения у казахов-кочевников, однако, имевшей ряд весьма своеобразных, этнически характерных черт и свойств.

Выше уже отмечалось, что главным и, пожалуй, единственным способом (формой) функционирования общественных отношений в условиях кочевого образа жизни, как и других традиционных социумах, была община [21, С. 511-512; 22, 515-516]. И тут встает принципиальной важности вопрос: какую этнически характерную, исторически и экологически обусловленную организационную форму имели традиционные социальные отношения казахов? Это действительно очень занятный вопрос, поскольку речь идет о такой организационной форме, которой, собственно, обеспечивалась самодостаточность функционирования общественных отношений у кочевников, как автономной социальной системы. Самодостаточность такой формы социальных отношений в кочевой среде, т.е. общины как социума, означает ее способность к самоорганизации, саморегуляции и самовоспроизводству. Благодаря этим качествам община выступает самостоятельным субъектом и внутриобщинных отношений, и в системе взаимосвязей со своим окружением – себе подобными структурами, природной средой и т.д.

Необходимость решения обозначенного вопроса логически выдвигает очень важную, можно сказать, центральную ключевую задачу – определение структурных составляющих этих отношений, как непосредственных корпоративных субъектов хозяйственной деятельности и воспроизводства индивида общинного типа. Такой ракурс подхода к проблеме позволяет получить научно обоснованный ответ на поставленный выше вопрос относительно имманентной организационной формы функционирования общественных отношений у кочевников.

Попробуем теперь отыскать эти структурные составляющие с позиции их непосредственной жизнеобеспечивающей функции, благодаря которой они и являлись основными системо- и структурообразующими элементами общины. Источники свидетельствуют (да и объективная логика реальности подсказывает), что именно расширенная семейная общность (или большая семья), именуемая у казахов «*бірата*» (букв. «единый предок»), объединявшая группу кровных родственников в пределах преимущественно двух поколений по отцовской линии и известная в дореволюционных русских источниках второй половины XIX века под характерным названием «хозяйственный аул», была основной производящей необходимого минимума жизненных благ ячейкой

(отмечу, что каждая семья у кочевников состояла в среднем от 3-х до 7-ми человек – родители и дети обоих полов. Среднестатистическая семья кочевника, как правило, состояла из 4-6 человек. Количество же входящих в «бірата» семей составляло 9-12, а иногда, хотя и редко, достигало до 15-ти. Стало быть, общее количество членов «бірата» примерно насчитывало 45-60 человек, включая и детей.).

И здесь вполне возможен следующий каверзный вопрос: не вызовет ли центробежную тенденцию в среде данной общности тот факт, что каждая семья кочевников была фактическим собственником скота (хотя и персонифицированным) – данного главного «движимого» источника жизнеобеспечения и, обусловленным этим обстоятельством единственным субъектом эксплуатации соответствующих сегментов родовой территории (сезонных пастбищ, начиная со 2-ой половины 70-х гг. XIX в. и сенокосных угодий). Однако в силу ряда факторов, прежде всего, хозяйственно-экономического, экологического, не в меньшей степени и бытового характера, природа жизнеобеспечивающей системы у кочевников устроена таким образом, что все жизненно необходимые крупные трудовые операции им приходилось выполнять только совместными усилиями (сезонные стрижки овец (весенние, осенние), возведение хозяйственных и бытовых построек (например, на зимовке и т.д.), совместный выпас скота, целый цикл работ, связанных с приемом и уходом за молодняком (окот), изготовление войлочных и кошемных изделий, предназначенных, особенно, для покрытия юрты, отправление наиболее значимых ритуально-обрядовых действий жизненного цикла, сезонное кочевание и т.д.). Вследствие этого данная патронимическая структура выступала как единственно главная социокультурная и производственная структура, поскольку являлась непосредственным субъектом практически всех видов хозяйственно-культурной деятельности и воспроизводства человека общинного типа.

Выше уже говорилось о том, что «бірата» в системе земле- и водопользования была единственно реальным субъектом эксплуатации соответствующего участка родовой территории. Но только лишь в форме пользования. В сущности, данная патронимия распоряжалась только растительным покровом и водой, но не землей – неделимой и неотчуждаемой родовой территорией, поскольку является «всеобщим естественным условием» функционирования социума в исторически, хозяйственно-экономически и экологически заданном ритме. Одновременно воспроизводя отмеченные структурные компоненты социальных отношений, община воспроизводит и свое «всеобщее естественное условие», что является фундаментальным фактором поддержания кормовых ресурсов пастбищных угодий в необходимой кондиции. Отсюда следует, что «бірата» не была самостоятельной производительной силой. Свою функцию непосредственного производителя она осуществляла лишь в той мере, в какой она находилась в тесных отношениях с себе подобными структурами в пределах общины – «жетіата» (букв. «семь поколений»), особенно в системе земле- и водопользования. В таких взаимообусловленных отношениях, как свидетельствуют источники, находились 4-5 «бірата», члены которых (кроме матерей, жен и снох) ведут свою общесемейную генеалогическую линию от общего предка в третьем колене по отцовской линии – «үшінші ата» (напомню, что в историческом прошлом каждый казах, сам будучи членом определенной «жетіата», счет родства вел от себя по мужской линии до седьмого колена («жетінші ата» или «ата-баба»). При этом считал своими кровными родственниками всех членов этой самой «жетіата» (кроме матерей, жен и снох), поскольку, согласно родовой генеалогической традиции «шежіре», они ведут свое происхождение от общего седьмого предка).

Именно отмеченные взаимообусловленные отношения между этими «бірата» активно способствовали осуществлению каждой «бірата» своей главной функции в качестве главенствующего корпоративного субъекта практически всех форм и направлений хозяйственно-культурной деятельности. В этом смысле данное объединение «бірата» следует рассматривать и как функционально интегрированную систему производительных сил.

Основная же функция общины в сфере земельных отношений заключалась в обычноправовом, властно-управленческом и генеалогическом регулировании системы

землепользования, т.е. отношений между ее составляющими – патронимическими образованиями по поводу пользования соответствующими сегментами родовой (общинной) территории. Тем самым обеспечивался оптимальный экономический и обычноправовой режим для сбалансированного взаимодействия между «бірата» в системе земельных отношений. Это означает, что содержание отношений общинной собственности на землю нельзя объяснить лишь с позиции экономической категории «производственные отношения». Ибо, община в кочевой среде в силу отмеченных выше обстоятельств не являлась непосредственным субъектом производства материальных и духовных ценностей. Зато община обладала монопольным правом субъекта собственности на всю родовую территорию. Такое право обеспечивалось монополизацией ею практически всех основных управленческих и властных функций (т.е. функций регулирования, управления, принуждения, наказания и т.д.) в полном соответствии с господствующим социальным порядком в общине.

Из сказанного следует, что отношения общинной собственности на землю состояли из нескольких взаимообусловленных и взаимозависимых уровней: отношений пользования, субъектом которых выступали «бірата» и системы управления, распоряжения и регулирования земельных отношений, единственным субъектом которой была сама община. При этом отношения пользования опосредствовались отношениями семейной собственности на скот, которые также являлись весьма существенными составляющими механизма реализации отношений общинной собственности на землю. Поэтому отношения общинной собственности на родовую территорию представляли собой функционально интегрированный синтез многоуровневых отношений таксономически разноранговых субъектов (человек, «бірата» (большая семья), община) в системе землепользования.

Резюмируя сказанное можно заключить, что такой «сегментированный» способ реализации отношений собственности на землю в форме отношений пользования, в сущности, представляет собой один из эффективных экономических факторов (одновременно и методов) рациональной эксплуатации ресурсов естественной среды обитания. Это – с одной стороны. С другой – обеспечения корпоративного единства общины как социума, поскольку такой способ исключал экономическую основу центробежных тенденций в общине.

Итак, свою хозяйственную и другие функции «бірата» осуществляла только лишь в качестве органической составляющей «жетіата». «Жетіата» же, будучи генеалогически и территориально организованной социальной системой, состояла из экологически и демографически лимитированного, экономически и социокультурно обусловленного количества «бірата». Разнохарактерные социальные связи родственниками-членами (близкими и дальними) различных «бірата» опосредствовались функциями данных патронимических структур. Так что в кочевой среде, как уже отмечалось, именно данная патронимия выступала как единственно возможный субъект хозяйственно-культурной деятельности и воспроизводства общинника. Но только лишь будучи в составе «жетіата», как необходимого институционального, экономического, социокультурного и даже естественно-природного условий ее нормального функционирования. В этой связи особо отметим следующий принципиально важный аспект: «жетіата» не есть некое механическая совокупность определенного количества «бірата». Эта было бы слишком упрощенным пониманием существа вопроса в духе позитивизма.

Презентируемое положение о том, что «бірата» свои отмеченные субъектные функции осуществляла лишь в той мере, в какой являлась естественно-исторически, социокультурно и экономически неотъемлемой частью «жетіата» означает разноуровневые взаимообусловленные отношения между «бірата». Из этого факта конкретно-исторически и логически следует, что «жетіата» являлась исторически упорядоченной, социокультурно, экономически и экологически обусловленной институциональной (организационной) формой этих отношений. Данный онтологически, логически и конкретно-исторически хорошо верифицируемый факт позволяет сформулировать положение в виде следующего

силлогизма: «жетіата» представляла собой объединение экономически, экологически, демографически лимитированного, санкционированного традицией определенного количества «бірата» – основных производителей материальных и духовных благ, тесно связанных между собой кровнородственными, экономическими, социокультурными и территориальными отношениями.

Вместе с тем, «жетіата», будучи организационной формой (общиной) этих самых отношений, функционировала не только в качестве главного (генерализованного и генерализующего) субъекта управления и регулирования внутриобщинных, но и межобщинных отношений. Следовательно, «жетіата» в пределах пространства жизнедеятельности всех ее составляющих была самовоспроизводящим и саморегулируемым социальным организмом т.е. социумом-общиной.

Социальные границы данного образования маркировались по «количественному» принципу «семь поколений», т.е. путем запрета внутри общины-рода брачных отношений до семи колен. Такой «семипоколенный» принцип брачных отношений выступал как эффективный институциональный механизм регулирования исторически, хозяйственно-экономически и экологически обусловленных демографических пределов и оптимума ресурсных возможностей среда обитания рода-общины. Известная демографическая ограниченность «жетіата» во времени и пространстве, территориальная локализованность, а также отграниченность этой структуры от других аналогичных структур экзогамным барьером традиционных семейно-брачных отношений получили мощное идеологическое обоснование в принципах и нормах генеалогической традиции – шежіре. Разумеется, отмеченный принцип (способ) маркирования, прежде всего, обусловлен разнохарактерными историческими и социокультурными факторами, а также лимитирующими ресурсными возможностями естественной среды обитания.

В контексте сказанного можно сделать вывод о том, что именно семипоколенная экзогамная структура «жетіата», т.е. род функционировал как община-социум. Итак, несколько перефразируя общепринятую в среде медиевистов известную мысль К. Маркса о средневековой германской марке-общине [23, С. 472], применительно к кочевничеству следует заключить, что кочевая община казахов существовала только в взаимозависимых и взаимообусловленных отношениях ее составляющих патронимических структур (т.е. «бірата»). Эти же отношения, в сущности, и составляют структуру «жетіата» – общины, необходимой организационной формы их функционирования. Это означает, что именно в рамках этой структуры институционально, идеологически, социокультурно, производственно-экономически и даже экологически обеспечивался необходимый уровень плотности и интенсивности различных типов и уровней социальных связей в кочевой среде, понимаемых как «технология» воспроизводства и регулирования жизнедеятельности и общинной личности, и семьи, и самой общины. То есть, именно община функционировала как главный социальный механизм перманентного воспроизводства и жизнеобеспечивающих условий и средств, и самой жизнедеятельности номадов.

Способность функционировать семипоколенной экзогамной структуры как главной организационной формы общинных отношений у кочевников, т.е. как социума означает ее способность быть и активным субъектом практически всех форм и уровней внешних отношений – межобщинных, межплеменных, межжуровых и т.д. Собственно говоря, и племя, и жур* – это, в сущности, различные институционализированные уровни межродовых отношений. Вместе с тем данные отношения функционируют своего рода как идентификационное пространство родовой идентичности общины. Одновременно, именно эти отношения выступают внешним стимулирующим фактором перманентного воспроизводства родственно-родовых связей в пределах семипоколенной экзогамной структуры «жетіата», понимаемых как мощный сплачивающий и регулятивный механизм общины-социума. Такова, в сущности, институциональная природа синергизма кочевничества как общинного типа социальности.

В связи с постулируемым тезисом о семипоколенной экзогамной структуре как общине, естественно возникает давно дискутируемый в науке вопрос о совпадении рода и общины. Наши материалы, почерпнутые из различных источников, подтверждают их совпадение, т.е. взаимообусловленном единстве этих двух начал как в организационном, так и функциональном отношении, что особенно проявлялось в процессе функционирования различных сфер жизнедеятельности социума. Поэтому можно утверждать о функциональной интегрированности их как об естественном перманентном состоянии общины. При этом родственно-родовые отношения осуществляли общинообразующую функцию. Понятно, что в взаимозависимом и взаимодополняющем единстве с другими факторами общественного производства – социокультурным, экономическим, экологическим, институциональным и т.д. Достаточно сильная позиция генеалогически организованных родственно-родовых связей в обществе, особенно заметно прослеживаемая в доколониальный период, не есть признак архаичности уклада жизни кочевников, как полагает ряд исследователей в духе монистического материализма, а одна из составляющих способа самоорганизации кочевого этноса.

Примечания.

* Жуз – название высшей формы самоорганизации казахов-кочевников, выполнявшей в историческом прошлом функции, прежде всего, территориальной и политической интеграции генеалогически близких родов-общин в полном соответствии с концепцией устной историографической традиции «шежіре». Генеалогически по форме данный уровень самоорганизации кочевников на самом деле представляет собой хозяйственно-экономически и институционально обусловленным способом управления и регулирования только лишь межродовых (межобщинных) отношений. Действительно, как свидетельствуют источники, институты жуза (совет биев («билер кеңесі»), суд биев («бидің билігі», «билік жүргізу»), совет родовых старейшин («ру басылар кеңесі»), ханский совет («хан кеңесі», «хан билігі») и т.п.) практически не вмешивались во внутреннюю жизнь родов-общин, за исключением тех случаев, когда определенные вышедшие из под контроля внутривидовые экстраординарные социальные и политические эксцессы угрожали устоявшимся нормам и принципам межродовых (межобщинных) отношений. В этом смысле, жуз изначально сложился и функционировал как главная организационная (институциональная) форма межродовых отношений.

Примерно в начале XVII в. казахи объединились в три жуза: старший, средний, младший (но отнюдь не делились, как полагают исследователи!) Известный востоковед В.П. Юдин, основываясь на сообщении русских «служилых людей Т. Петрова и И. Куницына о поездке в Калмыцкую землю... в 1616 году», а также на материалы известного сочинения средневекового автора Хафиз Таныша «Шараф-Наме – Ий Шахи» полагал, что к началу XVII-в. «...произошло уже размежевание всех трех жузов» [24, С. 243].

Литература:

1. Крюков М.В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организаций (к постановке вопроса) // Советская этнография. 1967, № 6. С. 83-93.
2. Ольдерогге Д.А. Род и община (соотношение форм рода и типов общины) // Проблемы использования природных и трудовых ресурсов развивающихся стран. М.: Наука, 1974.
3. Ольдерогге Д.А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин. // Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975. С. 6-19.
4. Першиц А.И. Проблемы типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии // Очерк истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VIII. М.: Наука, 1978. С. 142-160.
5. Община в Африке. Проблемы типологии. М.: Наука, 1978.

6. Коротаев А.В., Оболонков А.А. Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей // Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. Вопросы историографии. М.: Наука, 1990.
7. Коротаев А.В. «Апология трайбализма»: племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (по материалам Северо-Восточного Йемена). Социологический журнал. 1995. № 4. С. 68-86.
8. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начало XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971.
9. Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата: Наука, 1964.
10. Курьлев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.:Петербургкомстат, 1998.
11. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы., М.: Горизонт, 1995.
12. Алимбай Нурсан. Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкосистеме // Алимбай Н., Муқанов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы, «Наука», 1998. – С. 10-61;
13. Алимбай Нурсан. Евразийское кочевничество как общинный тип социальности (Введения в проблематику) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Материалы международной конференции. А.: «Дайк-пресс», 2004. – С. 185-193;
14. Алимбай Нурсан. Об исходных принципах изучения традиционного казахского общества (краткий номадологический дискурс). //Труды Центрального музея. Алматы, «Наука» 2004. Вып., I. С. 137-160 (на каз.яз);
15. Алимбай Нурсан. Еще раз о кочевой общине как основной организационной форме традиционных социальных отношений у казахов // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов международной научной конференции. Алматы: 21-23 ноября 2007. - Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – С. 208-221;
16. Alimbai Nursan. La comunita come principale forma organizzativa delle relazioni sociali dei nomadi: note preliminari // Popoli dellaYurta Kazakhstan: tra le origini e la modernita. Milano: Jaca Book, 2008.- P. 99-110(на итал. яз.);
17. Alimbai Nursan. Community as a principle organizational form of social relations of nomads // Eleink. Magyar Östörténet. 2009. VIII. Évfolyam, I. Szam (15.). – P. 28-35, и др.
18. Kroeber A.L. Anthropology. N.Y. 1948. p.325;
19. Леви-Строс К. Структурная антропология. Перевод с французского. Изд. 2-ое. М.: «Академический проект», 2008. С. 319.
20. Маркарьян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М.: «Мысль», 1983.
21. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Перевод с английского. В 2-х томах. М.: «Вече», 2001. Т. I. С. 511-512;
22. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Перевод с английского. В 2-х томах. М.: «Вече», 2001. Т. II. С. 515-516.
23. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М.: «Политиздат», 1968. Т.46. ч. I. С. 472.
24. Материалы по истории казахских ханств XV – XVIII веков. Алма-Ата, «Наука», 1969, С. 243.

А.Б. Калыш

д.и.н., профессор КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы

НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КАЗАХСТАНЕ

Бесспорно, исследование современных жизненно важных проблем семьи, характера, содержания и направленности ее развития, взаимосвязи семьи и брака от социально-экономических, демографических и этнокультурных процессов в республике представляется актуальным. Это особенно важно для выявления степени взаимовлияния как традиции, так и